

Этиология терроризма

Кугай Александр Иванович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)

Профессор кафедры государственного и муниципального управления

Доктор философских наук, профессор

Kugay3@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Террористическим актам предшествуют процессы политической радикализации, которая функционально является активной подготовкой к противостоянию с властью. Де-скриптивно радикализация означает такое изменение чувств, убеждений и поведения, которое оправдывает насилие. В статье рассматривается радикализация поведения, происходящая на индивидуальном и групповом уровнях на основаниях: личных обид, мировоззренческих факторов, присоединение к радикальной группе на почве любви, поэтапного присоединения к радикальной группе, группы единомышленников, экстремальной сплоченности в условиях изоляции и угрозы извне, конкуренции с другими группами со сходными воззрениями за симпатии масс, конкуренции с государственной властью, ненависти к аут-группе, мученичества, силы организации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

терроризм, политическая радикализация, индивидуальная и групповая политическая радикализация, основания политической радикализации

Kugay A. I.

Terrorism Etiology

Kugay Alexander Ivanovich

North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (Saint-Petersburg, Russian Federation)

Professor of the Chair of the State and Municipal Management

Doctor of Science (Philosophy), Professor

Kugay3@yandex.ru

ABSTRACT

Terrorist acts are preceded by processes of political radicalization, which, functionally, is an active preparation for the confrontation with the authorities. Descriptive, radicalization is the change of feelings, beliefs, and behaviors that justifies violence. The article discusses the radicalization of behavior that takes place on an individual and group level on the bases: personal grievances, ideological factors, adherence to the radical group on the basis of love, step of joining a radical group of like-minded group of extreme cohesion in conditions of isolation and threats from the outside, competition with other groups with similar views for the sympathy of the masses, the competition with the government, hatred of the out-group, martyrdom, the strength of the organization.

KEYWORDS

terrorism, political radicalization, individual and group political radicalization, the grounds of political radicalization

Наш век по праву можно определить веком «гипертеррора» [11], в котором прогулка по краю пропасти в любой момент может начаться за порогом нашего дома. Если «Весь мир театр» (В. Шекспир), то в наше время самым популярным становится театр боевых действий.

Исходный мотив терроризма: человек стремится реализовать значимую для себя цель, будучи убежденным в том, что она оправдывает любые средства. И он начинает убивать людей, которые никоим образом не противодействуют ни ему, ни его

цели. Прибегая ко все более бесчеловечным, массовым акциям насилия, террористы ведут жуткий диалог с политической властью, убивают для того, чтобы создать атмосферу страха и нестабильности и таким образом заставить власть удовлетворить свои требования. Таким образом, терроризм — это сознательное использование нелегитимного насилия (чаще всего с заведомой ориентацией на информационное пространство, которое на службе у террористов стало самым эффективным оружием массового поражения, усугубляющим нервно-паралитический ущерб) со стороны какой-то миноритарной группы, в крайних случаях отдельных лиц, стремящихся достичь определенных целей, заведомо недостижимых легитимным способом.

Основания политической радикализации

Террористические акты возникают не на пустом месте, им предшествуют процессы политической радикализации. Функционально политическая радикализация является активной подготовкой к противостоянию с властью. Deskriptивно радикализация означает такое изменение чувств, убеждений и поведения, которое оправдывает насилие. Каким образом это происходит? Как люди, группы доходят до террора?

Существует ряд возможных значений радикализации, но большинство соответствующих определений может быть представлено с точки зрения обычных социально-психологических различий между верами, чувствами и поведением людей. Процессы радикализации, ведущие к террору, могут осуществляться как на индивидуальном, так и на групповом уровнях¹.

Индивидуальная радикализация

1. Радикализация ввиду личных обид. Известно, что обиды, в особенности те, которые накапливаются годами, в один злосчастный момент, как лавина, сносят все на своем пути. Это путь чаще всего цитируется в объяснениях террористов-смертников. «Черные Вдовы» описываются как ищущие расплаты за гибель своего мужа. Тамильских тигров из суицидальных бригад называют «Черными Тиграми», представляя, как людей, переживших Сингалзские зверства. Счета палестинских террористов-смертников часто ссылаются на месть за атаки израильской авиации на соседей или близких в качестве мотива к самопожертвованию.

Важность личной обиды в качестве мотива терроризма присуща и русским террористам конца 1800-х годов. Таким образом Андрей Желябов — лидер террористической организации Народной воли и вдохновитель целого ряда политических убийств, в том числе координатор бомбы, убившей царя Александра II — одним из первых проявил террористическую активность из мести за преступные действия монархического режима. Изнасилование его любимой тети хозяином имения, проигнорированное местной полицией; его увольнение из университета, лишение права подать заявку на участие в невинном протесте против произвола классификации; и наконец, четыре месяца тюремного заключения за отправку дружеской записки заключенному другу — все эти обиды сформировали и усилили решимость Желябова в использовании насилия в отношении правящей элиты. Сложно найти данные о том, сколько террористов располагают собственной историей отчуждения,

¹ Заметим, что наряду с индивидуальной и групповой радикализацией некоторые исследователи терроризм связывают с массовой радикализацией. См., к примеру: McCauley C., Moskalenko S. Mechanisms of Political Radicalization: Pathways Toward Terrorism. Terrorism and Political Violence. 20. 2008. 3, P. 415–433. Но очевидно то, что омасшопление радикализации является характерным признаком не терроризма, а войны в ее классическом (К. Клаузевиц) понимании — как враждебного отношения между государствами, переходящими в прямое вооруженное столкновение.

которые могли бы объяснить их самопожертвование; вряд ли личная обида будет формировать целую группу жертвенников, если только она не будет оформлена и представлена как групповая обида.

2. Радикализация по мировоззренческим факторам. *«Ничто так не искажает человеческую природу, как маниакальные идеи. Если человеком овладевает идея, что все мировое зло в евреях, масонах, большевиках, еретиках, буржуазии и т. д., то самый добрый человек превращается в дикого зверя» (Н. А. Бердяев)*¹. Зачастую люди прибегают к отдельным радикальным действиям и насилию в ответ на политические тенденции или события. Тед Качинский, известный как Унабомбер — англ. Unabom (University and airline bomber) — «бомбист университетов и авиалиний» — является одним из таких примеров. Мир еще не знал столь радикального стража окружающей среды, решившего за причиненный природе ущерб наказывать вредителей огнем и свинцом. Качинский даже оформлял свои теракты под стать идеологии: бомбы пересылались по почте в деревянных ящиках, в ряде случаев дерево выступало и в качестве шрапнели (убойная сила маленькая, зато получалось, что дерево мстило само за себя), посылки подписывались зелеными чернилами. Даже дым, который заполнил салон атакованного «Боинга 727», был зеленым.

Другим примером является Буфффорд Фурроу, который сам явился в полицию в августе 1999 г. после ранения пятерых в еврейском общинном центре и убийства филиппинского почтальона. Он был последователем группы белого превосходства, но действовал в одиночку в планировании и проведении этих атак.

Аналогичным образом Джон Аллен Мухаммад с его протеже Ли Бойд Малво убили 10 человек в Вашингтоне в 47 дней снайперских атак в сентябре и октябре 2002 г. Мухаммад, принявший ислам и черный сепаратизм, пытался получить 10 млн долл., на которые планировал основать чистое черное сообщество в Канаде, идентифицируя свою общность с чувством обиды от ущемления чернокожих людей в США [8].

Случаи индивидуальной радикализации политического насилия, т. е. случаи, в которых человек действовал бы в одиночку, а не как часть группы, относительно редки². В таких случаях у человека, скорее всего, есть чувство принадлежности к большому интеллектуальному движению, как у Качинского, связанного с привлечением внимания к процессу уменьшения человеческой свободы в обществе из-за современных технологий, или Мухаммада, ощущающего свою причастность к движению по формированию исламской нации.

Данной форме радикализации вполне соответствуют действия Андерса Брейвика, по прозвищу «норвежский стрелок», — организатора и исполнителя взрыва в центре Осло и нападения на молодежный лагерь правящей Норвежской рабочей партии 22 июля 2011 г. Мотивом теракта, в результате которого погибли 77 человек, стала ненависть к современным мультикультурным системам, в первую очередь к мусульманам, которые, по мнению Брейвика, разрушали норвежское общество и, прикрываясь европейскими паспортами, поддерживали террористическую сеть «Аль-Каида». Как заметил мэр Лондона Борис Джонсон, «по сути дела, мы имеем дело с зеркальным отображением исламского террориста — человека, направляемого точно такой же, только противоположной идеологической манией»³.

¹ Жемчужины мысли [Электронный ресурс]. URL: <http://www.inpearls.ru/677486> (дата обращения: 19.01.2017).

² Почему иранцы не совершают терактов в США? Потому что среднеиранские беженцы значительно богаче среднего американца. А если иранец совершит теракт в США, то он не будет пользоваться поддержкой иранской общины — это будет единственный теракт. (Иранцы, проживающие в Америке и Канаде, являются самыми успешными за рубежом) [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.irib.ir/news/iran1/item/234015> (дата обращения: 15.01.2017).

³ Пресса Британии о лондонском следе норвежской резни [Электронный ресурс]. URL: http://www.bbc.com/russian/uk/2011/07/110725_brit_press.shtml (дата обращения: 15.01.2017).

3. Пошаговое присоединение к радикальной группе. *De (ex) nihilo nihil — ничто не возникает из ничего (Лукреций)*¹. Как уже было отмечено, редко бывает так, что человек из сочувствующего становится активистом после внезапно возникших крупных рисков или жертв. Обычно процесс внедрения человека в террористическую группу происходит медленно и постепенно, и связан с большим количеством испытаний (только тогда ему начнут доверять), с многими ненасильственными задачами, прежде чем его попросят использовать пистолет или бомбу. Это отмечает Донателла делла Порта, цитируя итальянских активистов: «Холодного кровавого выбора, такого, как „сейчас я стану террористом“, не существует. Это была постепенная эволюция, которая прошла через своего рода человеческие отношения, которые у меня были с Гвидо и с людьми, с которыми я работал» [9].

Яркий пример силы самостоятельной радикализации находится в одной из экспериментальных вариаций, введенной Милгрэмом в своем знаменитом исследовании послушания. В нем была продемонстрирована неспособность испытуемых открыто противостоять «начальнику» (в данном случае исследователю, одетому в лабораторный халат), который приказывал им выполнять задание, несмотря на якобы сильные страдания, причиняемые другому участнику эксперимента (в реальности подсадному актеру). Результаты эксперимента показали, что необходимость повиновения авторитетам укоренилась в нашем сознании настолько глубоко, что испытуемые продолжали выполнять указания, несмотря на моральные страдания и сильный внутренний конфликт [7].

4. Присоединение к радикальной группе на почве любви. *«Велики силы любви, располагающие любящих к... перенесению чрезвычайных негаданных опасностей»*². Этот путь к радикализации получил наибольшее внимание в последних теоретических обоснованиях терроризма [13]. Люди вербуются в террористическую группу с помощью личных связей с действующими террористами. Ни один террорист не попытался завербовать кого-то, кто может передать его властям. На практике это означает вербовку от сети друзей, любовников и из семьи.

Доверие может определить сеть, в которой радикалы и террористы вербуют, но любовь часто определяет, кто присоединится. Романтическое притяжение и товарная любовь могут быть столь же сильными, как и политика заманивания людей в подпольную группу. Отвечая на вопрос о его мотивации для ухода в подполье, член Итальянской Brigate Rosse (BR) ответил: «Есть много вещей, которые я не могу объяснить, анализируя политическую ситуацию <...> насколько мне известно это было основано на эмоциях и страсти людей, с которыми я разделил свою жизнь» [9, 168].

Характерным примером присоединения к террористической организации на почве любви являются действия Варвары Карауловой (Александра Иванова) — студентки философского факультета МГУ, получившей известность после неудачной попытки проникнуть в Сирию и попасть на территорию, контролируемую, запрещенным в России так называемым Исламским государством. В 2012 г. Варвара познакомилась в интернете с молодым человеком, уроженцем Татарстана, Айратом Саматовым. «Вначале обсуждали житейские вопросы, потом у меня проснулось к нему чувство симпатии как к молодому человеку, потом чувство переросло в любовь»³. На фоне романтических отношений с Саматовым у Варвары возник интерес к исламу, который она приняла в 2014 г. В апреле 2015 г. Караулова заключила через «Скайп» брак с человеком по имени НаDIR из орга-

¹ Фразы и выражения на латыни [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lingualatina.ru/frazy-i-vyrazheniya-na-latyni> (дата обращения: 19.01.2017).

² Афоризмы Цитаты Боккаччо Джованни [Электронный ресурс]. URL: <http://www.moudrost.ru/avtor/bokkachcho-dzhovanni.html> (дата обращения: 15.01.2017).

³ Варвара Караулова: «Папа, я ошиблась!» // Комсомольская правда. 19.06.2015 (дата обращения: 15.01.2017).

низации «Имарат Кавказ» (запрещена в России судом и признана террористической), находившимся на территории Сирии. Муж прислал Карауловой деньги на полет в Турцию для дальнейшего переезда в Сирию. При этом Варвара впоследствии призналась, что решила это сделать, чтобы отомстить Айрату Саматову, которого приревновала к другой девушке.

Групповая радикализация

5. Группа единомышленников. Как заметил Ф. Хайек, *«людям свойственно — и это почти закон человеческой природы — быстрее и легче сходиться на негативной программе, на ненависти к врагам, на зависти к тем, кому лучше живется, чем на какой бы то ни было положительной, конструктивной задаче»* [5, 158]. Существует экспериментальная модель групповой радикализации, которая была определена как «рискованная смена», «замена группового экстремизма» или «группа поляризации». Собирались группы неизвестных для обсуждения вопросов принятия риска или политического мнения. Результаты показывают последовательно два вида изменений: большое количество соглашений с одним мнением, и переход членов группы в среднее мнение. Сдвиг в сторону повышения крайности той стороны, чье мнение удовлетворяет большинству людей перед дискуссией. Если большинство людей до обсуждения видят пользу риска, то сдвиг будет в сторону повышения рисков [18].

Существуют два объяснения группового сдвига в крайность. Согласно соответствующей теории аргументов, набор определяемых культурной принадлежностью аргументов выступает в пользу только одной стороны вопроса. Отдельные аргументы из набора проходят личную оценку и соотнесение со своим мнением и обсуждение с другими аргументами того же набора и того же направления. В результате люди рационально убедились в дисбалансе новых аргументов, услышанных в обсуждении. Согласно теории социального сравнения, мнения основываются на социальных ценностях. Все люди чувствуют давление к соглашению, т. е. давление в сторону среднего мнения группы. Но давление не является единообразным. Люди с более экстремальным взглядом (наиболее поддерживаемым перед дискуссией), чем в среднем в группе, получают большее уважение. Они считаются более посвященными группе, более способными, лучшими в группе. Этот дополнительный статус производит большое влияние и снижает изменения во время групповых дискуссий, в то время как лица с менее экстремальной точкой зрения, чем в среднем в группе, имеют меньшее влияние и больше изменений. Никто не хочет оказаться в меньшинстве, поддерживая непопулярное мнение, и результатом является то, что среднее мнение становится более экстремальным.

Ярким описанием силы социального сравнения в радикализации Weather Underground является Американская антивоенная группа 1970-х годов, обеспечиваемая Collier & Horowitz. Внутригрупповой конкурс за статус «самый радикальный» привел группу к терроризму. Отличительной чертой этого вида радикализации является степень, в которой частное становится политизированным: каждое действие судят по политическим стандартам, в том числе, кто с кем спит.

Оба соответствующих аргумента и объяснения социальных сравнений необходимы, чтобы объяснить экспериментальные модели результатов. Два объяснения являются взаимодополняющими, а не взаимоисключающими. Оба ведут к увеличению сходства и повышенной радикальности в группе единомышленников [18].

6. Экстремальная сплоченность в условиях изоляции и угрозы извне. *Очевидно, ничто так не сплачивает людей, как непосредственная угроза их жизни.* Модель для такого рода радикализации является мощным сплачивающим инструментом, который развивается в небольших боевых группах. Солдаты в бою в значительной степени отрезаны от всех, кроме своих друзей в взводе или бата-

льоне. Эта изоляция характерна и для террористических ячеек, члены которой могут доверять только друг другу. Воины, равно как и террористы, жизненно зависят друг от друга в борьбе с врагом, такие экстремальные взаимозависимости производят экстремальную сплоченность группы.

Чрезвычайно высокий уровень сплоченности в группе означает сильное давление на согласие членов группы. Теория групповой динамики различает два источника притяжения в группу: значение материальных целей группы и значение социальной реальности, созданной группой [4]. Материальные цели включают очевидные выгоды, связанные с членством в группе, такие как прогресс в достижении общих целей, конгениальность, статус и безопасность. Менее очевидной является ценность социальной реальности, создаваемой группой: есть много вопросов значимости, для которых единственным источником определенности является групповой консенсус. Что такое хорошо и что такое плохо? За что стоит бороться, а за что умереть? Что будет, если я умру? Уверенность в этих важнейших человеческих вопросах может исходить только от соглашения с другими.

Высокая сплоченность оказывает высокое давление и на соблюдение норм поведения, и на внутреннее согласие с ценностями. Для членов группы очевидно, что они должны сплотиться, чтобы достичь групповых целей, а для этого следует действовать по принципу «нормально делай-нормально будет». Группы отличаются своей настойчивостью в установлении моральных стандартов. Ценность социальной реальности группы слаба, если ее члены принадлежат к другим группам с другими стандартами социальной значимости. И наоборот, значимость социальной реальности группы сильна, когда ее члены отрезаны от других групп. Этот принцип является основой многих форм группового убеждения, в том числе вербовки, реформирования мышления или промывания мозгов. Когда социальный мир человека коррелирует с представлениями друзей из его сообщества, сплоченность террористической группировки достигает максимального уровня. Консенсус группы в понимании ценности и морали дает ей огромную власть, в том числе судебную власть и даже возможность требовать насилия в отношении тех, кто угрожает группе. Одним из практических выводов является то, что должно произойти нечто важное, чтобы радикальная группа ушла в подполье в качестве террористической группы. Сочетание изоляции и внешней угрозы сразу делает групповую динамику подпольной группировки намного сильнее.

7. Конкуренция с другими группами со сходными воззрениями за симпатии масс. Обычно победу одерживает тот, на чьей стороне симпатии масс. Группы, соревнующиеся за одну и ту же базу сочувствующих, могут так же, как и отдельные лица, укреплять свой статус более радикальными действиями в поддержку мотивов [17]. Аналитики полагают, что угон самолета TWA и лайнера Акилле Лауро в 1985 г. были попытками палестинских террористов получить преимущество над группами соперников. Сегодня ситуация такова, что зачастую группа видит свои заслуги в конкретном теракте, или даже в конкретной атаке террориста-смертника [14]. Радикализационная конкуренция становится понятной в случае с Армянской Секретной Армией Освобождения Армении (АСАОА), получившей поддержку диаспоры в возмездии туркам за геноцид армян [12].

Группа может стать не только радикальной, но и потерять базу своей поддержки. В большинстве случаев терроризм увеличивается с его популяризацией, и наоборот — снижается вместе с популярностью и поддержкой со стороны общества. Однако зачастую более радикальные действия приносят больший статус и большую поддержку группе в конкурентной борьбе с другими группами, представляющими те же идеи.

Часто упускаемой из виду составляющей конкуренции за базу поддержки является насилие в отношении конкурентов. Около четверти убийств в Северной Ир-

ландии происходило, когда католики убивали католиков и протестанты убивали протестантов. Обе стороны убивали подозреваемых информаторов или людей, сопротивляющихся дисциплине, навязываемой боевиками [15].

8. Конкуренция с государственной властью. Митинговые страсти, которые пытаются потушить водой из брандспойтов, зачастую вспыхивают «коктейлями Молотова». Большинство из тех, кто совершают радикальное действие, организуют незаконные митинги или марши, провоцируя правоохранительные органы к репрессивным действиям к митингующим. В результате одни участники акций могут отреагировать на репрессии отказом от действия, считая, что затраты слишком высоки, чтобы их продолжать. Другие не остановятся, укрепят свою приверженность и усилят свои действия против государства. В любом случае результатом взаимодействия между государственной и негосударственной группами часто оказывается взаимное усиление насилия между группой и полицией, с дальнейшим отсеиванием недостаточно радикальных людей, не способных справиться с постоянно возрастающим давлением со стороны государства. По такой схеме развивались события на Киевском Майдане в 2013 г., по такому же сценарию действовали организаторы протестной акции на Болотной площади в 2012 г.

Радикализация зависит от силы аффективной связи между людьми, в частности от связей с лицами, которые страдают от государственной реакции на радикальные вызовы. Товарищи, находящиеся в заключении, не могут быть брошены; товарищи, убитые в перестрелках с полицией или в тюрьмах — мученики, смерть которых требует расплаты. В большинстве случаев результатом является повышение приверженности к насилию в ответ на насилие со стороны государства. Гнев и месть, несомненно, играют важную роль в такой реакции, но и своего рода «чувство вины выжившего» также может внести свой вклад. Те, кто выжил и освободился, чувствуют себя виноватыми в том, что лучшие люди мертвы или в тюрьме [9, 169].

9. Радикализация на почве ненависти к аут-группе. *«Не так связывают любовь, дружба, уважение, как общая ненависть к чему-либо» (А. П. Чехов)*¹. Характерно, что группы, находящиеся в конфликте, включающем длительное насилие, являются более экстремальными в их негативном восприятии друг друга. Эта тенденция может стать настолько велика, что враг будет рассматриваться не как человек, а как нелюдь, в предельной стадии — как насекомое: «Давить их надо, как клопов!» [3].

Дегуманизация может так же произойти в межгосударственном конфликте. Во Второй мировой войне, например, около половины американских солдат связывали победу в войне с уничтожением всей японской нации. Это радикальное мнение не зависит от принадлежности к группе с высокой боевой сплоченностью, а также не зависит от наличия потерь в бою с японцами. Действительно, солдаты, проходящие обучение в США и никогда не бывавшие в бою, были настроены еще агрессивнее, чем боевые солдаты, в пользу уничтожения японцев после победы в войне. Точно так же было отмечено, что жители английских городов, которых никогда не бомбили немцы во время Второй мировой войны, были более кроваво-жадно настроены и мстительны, чем жители Лондона и других городов южной Англии, которые в полной мере ощутили ярость Блицкрига [19].

Высокий уровень враждебности по отношению к другой группе описывается как ненависть. Некоторые теоретики считают, что ненависть — это эмоции, возможно сочетание гнева, страха и презрения [20]. В последнее время бытует мнение, что ненависть является крайней формой негативной идентификации, что включает в себя идею, что члены противостоящей группы плохие [10]. С этой точки зрения, ненависть — комплекс эмоций, испытываемый в зависимости от того, что проис-

¹ Афоризмы. Ненависть [Электронный ресурс]. URL: <http://www.apophism.ru/354.shtml> (дата обращения: 19.01.2017).

ходит с ненавистной группой. По этой логике положительные эмоции возникают, когда с группой противников случается нечто плохое, а отрицательные эмоции — когда с группой противников случаются хорошие вещи.

Идея того, что враг отвратителен, служит импульсом для атаки их всех, без учета возраста, пола или гражданского статуса [17]. Суть группы — это нечто скрытое, что разделяют все члены группы, она остается стабильной в течение исторического времени и неизменной для отдельных ее членов.

10. Мученичество. *«Мы хотим умереть больше, чем вы хотите жить»* — слова, которые произнес главарь террористов на переговорах в Норд-Осте (2002 г.) с Иосифом Кобзоном¹. Весь смысл мученичества в том, чтобы что-то доказать, что эта миссия требует всю человеческую жизнь. Мученикам стоит доверять настолько, насколько можно быть уверенным в том, что они действительно жертвуют своей жизнью во имя идеи, а не из личных корыстных интересов. Это оставляет вопрос о квалифицированности и социальной структуре мученичества, чтобы исключить возможность того, что мученик является сумасшедшим или по иным причинам не может самостоятельно выбрать смерть. Отсюда следует, что более высокий статус мучеников дает более убедительные доказательства: более образованные, более успешные люди, с большим количеством жизненных вариантов, рассматриваются как более осознанно понимающие то, что они делают, когда отдают свои жизни за правое дело. Самыми крупными по числу жертв стали террористические акты смертников 11 сентября 2001 г. в США. С 2000 г. использование террористов-смертников стало одной из основных тактик исламистского терроризма в России.

Радикальные группы пытаются сохранить память о своих мучениках. Тигры освобождения Тамил Иилама ежегодно три дня празднуют День мучеников, в том числе особо чествуют родителей погибших героев. Палестинцев, погибших в Израиле, помнят по портретам, граффити, святыням и митингам, которые часто проводятся на площади Мучеников в Газе. Палестинские веб-сайты предлагают видео, сделанные террористами-смертниками перед их атаками.

11. Сила организации. Как говорил Сунь Цзы, *«управлять многими — то же, что управлять немногими. Дело в организации»*². Роль организации в формировании радикальной группы, механизм ее формирования воспроизводит знаменитый педагогический эксперимент преподавателя истории Рона Джонсона, осуществленный в 1967 г. в Калифорнии. Во время изучения Второй мировой войны один из школьников спросил Джонса, как рядовые жители Германии могли притворяться, что ничего не знают о концентрационных лагерях и массовом истреблении людей в их стране. Так как класс опережал учебную программу, Джонс решил выделить одну неделю для посвященного этому вопросу эксперимента. **ПОНЕДЕЛЬНИК.** В понедельник он прочел детям лекцию о силе дисциплины. О том, что чувствует спортсмен, который усердно и регулярно тренируется, чтобы добиться успеха в каком-нибудь виде спорта. О том, как много работает балерина или художник, чтобы сделать совершенным каждое движение. О терпении ученого, увлеченного поиском научной идеи. Джонс велел школьникам сесть в положение «смирно», так как оно лучше способствует учебе. Затем он приказал учащимся несколько раз встать и сесть в новое положение, потом также неоднократно велел выйти из аудитории и бесшумно зайти и занять свои места. Школьникам «игра» понравилась, и они охотно выполняли указания. Джонс велел учащимся отвечать на вопросы четко и живо, и они все с интересом по-

¹ Террористы: мы хотим умереть больше, чем вы хотите жить [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ntv.ru/novosti/4930/> (дата обращения: 20.01.2017).

² Сунь Цзы. Искусство войны [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikiquote.org/wiki/%D0%A1%D1%83%D0%BD%D1%8C_%D0%A6%D0%B7%D1%8B (дата обращения: 15.01.2017).

виновались, даже обычно пассивные ученики. **ВТОРНИК.** *Во вторник* учитель вошел в класс и обнаружил, что все молча сидят в положении «смирно». Некоторые из учеников улыбались. Но большинство смотрели прямо перед собой с искренним сосредоточенным выражением, мышцы шеи были напряжены, никаких признаков улыбок, мыслей и даже вопросов. Джонс объяснил классу силу общности. Он велел учащимся хором скандировать: «Сила — в дисциплине, сила — в общности». Ученики действовали с явным воодушевлением, видя силу своей группы. В конце урока Джонс показал учащимся приветствие, которое те должны были использовать при встрече друг с другом, — поднятую изогнутую правую руку к плечу — и назвал этот жест салютом Третьей волны. В следующие дни ученики регулярно приветствовали друг друга этим жестом. **СРЕДА.** *В среду* Джонс выдал членские билеты всем ученикам. Ни один человек не захотел покинуть аудиторию. Тринадцать учеников ушли с других уроков, чтобы принять участие в эксперименте. Учитель выдал каждому членский билет. На трех билетах он поставил красные крестики и сообщил их получателям, что им дано специальное задание сообщать обо всех, кто не подчиняется правилам класса. Однако на практике добровольным доносительством занялись около 20 человек. Один из учеников, отличавшийся крупным телосложением и малыми способностями к обучению, заявил Джонсу, что будет его телохранителем, и ходил за ним по всей школе. Три самые успешные ученицы класса, чьи способности в новых условиях оказались не востребованы, сообщили об эксперименте родителям. В результате Джонсу позвонил местный раввин, который удовлетворился ответом, что класс на практике изучает немецкий тип личности. Раввин обещал объяснить все родителям школьников. Джонс был крайне разочарован отсутствием сопротивления даже со стороны взрослых, директор школы приветствовал его салютом Третьей волны. К концу дня в организацию было принято более двухсот учеников. Многие отнеслись к своему участию в Третьей волне с полной серьезностью. Они требовали от других учеников строгого соблюдения правил и запугивали тех, кто не принимал эксперимент всерьез. **ЧЕТВЕРГ.** *К четвергу* численность класса возросла до восьмидесяти человек. Джонс говорил о том, что такое гордость. «Гордость — это нечто большее, чем знамена и салюты. Гордость — это то, чего у вас никто не может отнять. Быть гордым — значит знать, что ты лучший... Это чувство нельзя уничтожить...» Он объяснил ученикам, что они — часть общенациональной молодежной программы, чьей задачей являются политические преобразования на благо народа. «Все, что мы до сих пор делали, было подготовкой к настоящему делу. По всей стране преподаватели набирают и тренируют молодежные отряды, которые с помощью дисциплины, общности, гордости и действий могли бы показать нации, что общество может стать лучше. Если мы сможем изменить порядки в этой школе, то мы сможем изменить порядки на фабриках, в магазинах, в университетах и во всех других организациях. Вы — избранная группа молодых людей, которые помогут этому делу. Если вы выступите вперед и покажете, чему вы научились за последние четыре дня, мы сможем изменить судьбу нашего народа». Джонс велел четырем конвоирам вывести из аудитории и сопроводить в библиотеку трех девушек, чья лояльность была сомнительна. Затем он рассказал, что в полдень пятницы о Третьей волне по телевидению объявит лидер движения и новый кандидат на президентский пост. **ПЯТНИЦА.** *В пятницу* 200 учеников набились в кабинет. Не было ни одного свободного места. Всюду висели знамена Третьей волны. Ровно в двенадцать часов Джонс закрыл двери и выставил у каждой по часовому. Друзья Джонса изображали фотографов, кружа по аудитории. «Перед тем как включить национальную пресс-конференцию, которая начнется через пять минут, я хочу продемонстрировать прессе, как мы подготовлены». С этими словами учитель отдал салют.

В ответ сразу же автоматически взметнулось двести рук. Тогда он произнес девиз «Сила — в дисциплине». Его повторил многоголосый хор. Девиз произносили снова и снова. С каждым разом отклик толпы становился все громче. В пять минут первого Джонс включил телевизор, но на экране ничего не появилось. Тогда он обратился к ученикам: «Слушайте внимательно. Нет никакого вождя! Не существует никакого общенационального молодежного движения под названием Третья волна. Вами манипулировали, вас подталкивали ваши собственные амбиции, и вы оказались в том положении, в каком находитесь сейчас. Вы ничем не лучше и не хуже тех немцев, которых мы изучали. Вы думали, что вы — избранные, что вы лучше тех, кого нет в этой комнате. Вы продали свою свободу за удобства, которые дают дисциплина и превосходство. Вы решили отказаться от своих собственных убеждений и принять волю группы и большую ложь». После этого Джонс показал ученикам фильм о нацистской Германии. С ее дисциплиной, парадами и факельными шествиями. В заключение Джонс подвел итог: «Если нам удалось полностью воспроизвести немецкий менталитет, то ни один из вас никогда не признается, что был на последнем сборе Третьей волны. Так же, как немцам, вам будет трудно признаться самим себе, что вы зашли настолько далеко». Школьники расходились в подавленном состоянии, многие не могли сдержать слез [2]. Очевидно, что данный эксперимент воспроизводит механизм формирования не только тоталитарного общества, но и всякой террористической организации, поскольку ее существование и деятельность, нацеленная на осуществление системного насилия, предполагает ее тоталитарное устройство. Усиление террора по определению приводит ко все большей концентрации власти в одних руках. Автократия неизбежна, ведь она толкуется самим сообществом террористов как вынужденная мера.

Экстремистские группы, за редким исключением, имеют иерархическую структуру. Для хорошо развитых и устойчивых групп эту структуру можно условно разделить на четыре уровня:

1. *Уровень политического заказчика и стратегирования планов.* Это уровень государственных институтов, или крупных транснациональных корпораций. Именно на этом уровне появляется стремление деформировать ситуацию в обществе, или на рынке, таким образом, чтобы усилить свои позиции и ослабить конкурента. Если нет законных возможностей добиться цели, то прибегают к использованию экстремистских действий.
2. *Уровень тактической реализации замысла.* Создается новая экстремистская организация или какая-то из существующих «перекрашивается», или активизируется. Для реализации замысла привлекаются специалисты в области политических провокаций, а иногда и диверсионно-террористической деятельности.
3. *Уровень финансирования.* Это ключевой уровень, на котором разрабатываются схемы финансирования и материального обеспечения, в том числе за счет местных ресурсов и возможностей. На этом же уровне регулируется активность экстремистов, по необходимости временная консервация организации, расширение зоны действий или смена их тактики. «Финансисты» жестко контролируются заказчиком и представляют собой самое слабое звено в цепи — чтобы ликвидировать экстремистское движение, в подавляющем числе случаев достаточно просто перекрыть канал финансирования.
4. *Уровень исполнителей.* Их часто вербуют из числа сочувствующих, или сопереживающих, они не знают всей организации и часто используются по своему предназначению фактически втемную.

В заключение отметим маловероятное существование какой-либо единой теории, объединяющей все факторы, которые приводят людей к радикальным политическим действиям. Маловероятно, что каждый из представленных оснований является до-

статочным для объяснения политической радикализации даже для одного человека. В большинстве из изученных случаев терроризма было задействовано несколько оснований. Скорее существуют многочисленные и разнообразные пути, ведущие людей и целые группы к радикализации и терроризму. Эта точка зрения согласуется с предыдущими исследованиями по психологии терроризма и социальной мобилизации Линдена и Кландермана, которые выделили три пути к радикальной политической активности: *непрерывность, преобразование и соблюдение* [6, с. 213–228]. Некоторым людям присуща последовательность в политических интересах и активности на протяжении всей жизни. Некоторые из них постоянно участвуют в одном и том же деле (революционеры), а некоторые переходят из одной крайности в другую (странники). Другие люди склонны порвать со своим прошлым и присоединиться к экстремальному движению (перебежчики), часто после драм из личного опыта, таких как аварии или изнасилования. Наконец, есть люди, которых включают в экстремальные движения через друзей или родственников, которые убедили их присоединиться (недовольные), хотя они ранее не имели большого интереса к политике.

Очевидно, следует брать во внимание и фактор того, что существует категория особенных людей — пограничного психологического и психического склада, готовых участвовать в различных радикальных проектах и действиях, которых притягивают войны, конфликты, насилие. Где только случается какой-то открытый конфликт, туда слетаются авантюристы со всего мира, которым хочется даже не столько повоевать, а сколько реализовать свои желания в условиях беззакония.

Наконец, существует убеждение в том, что терроризм — это применение насильственных методов по отношению к невинным людям. Эмпирически можно определить, кто виновен, а кто — нет, но в действительности, в философском смысле — не все так просто. У Гегеля есть высказывание: «невинного страдания не бывает, страдание всегда есть вина» [1, с. 128]. Отсюда можно представить такой ценностный взгляд на мир и такую идентификационную позицию, когда тот, что с нашей точки зрения и по всем эмпирическим показателям является невинной жертвой (ибо никак не связан с тем, кто совершает террор), тем не менее в рамках превращенных ценностных представлений выглядит как виновный. Как сказывал Муаммар Аль-Каддафи, «с точки зрения тех, для кого я являюсь врагом, это не акт террора, например, против меня, а необходимое и благое дело»¹.

Терроризм питается энергией правоты, при этом, чем ниже интеллект, тем меньше сомнений, но тем прочнее уверенность в своей правоте и деструктивнее его последствия.

Литература

1. Гегель Г.В.Ф. Философия религии. В 2 т. Т. I. М.: Мысль, 1976.
2. Джонс Р. Третья волна // Практикум по социальной психологии. СПб.: Питер, 2000.
3. Кугай А.И. Пространство репрессивной логократии // Управленческое консультирование. 2013. № 1. С. 132–137.
4. Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб.: Речь, 2000.
5. Хайек Ф. Дорога к рабству. Лондон, 1983.
6. Linden A., Klandermans B. Stigmatization and Repression of Extreme- Right Activism in the Netherlands. Mobilization: An International Journal. 11. N 2 (2006). P. 213–228.
7. *Book review of «The Man Who Shocked the World: The Life and Legacy of Stanley Milgram»*. Blass T. Basic Books, 2004.
8. Morello C. Virginia Court Upholds Muhammad Sentences: Sniper Could be Sent to Another State. Washington Post. April, 23, 2005.
9. della Porta D. Social Movements, Political Violence and the State: A Comparative Analysis of Italy and Germany. Cambridge: Cambridge University Press. 1995.

¹ Афоризмы. Терроризм и террористы / <http://www.aphorism.ru/theme/terrorism-and-terrorists.html> (дата обращения: 14.01.2017).

10. Royzman E., McCauley C., Rozin P. From Plato to Putnam: Four Ways of Thinking About Hate. Washington, D.C. : APA Books, 2004. P. 3–35.
11. Gray J. The age of hyper-terrorism // New Statesman. 4/1/2016. Vol. 145. Is. 5308. P. 24–29.
12. Dugan L., Huang J., La Free G., McCauley C. Sudden Desistence From Terrorism: The Armenian Army for the Liberation of Armenia and the Justice Commandos of the Armenian Genocide. Unpublished manuscript (2006).
13. Sageman M. Understanding Terrorist Networks. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2004.
14. Bloom M. Dying to Kill: The Allure of *Suicide Terror*. New York : Columbia University Press, 2005.
15. Fay M. T., Morrissey M., Smyth M. Mapping Troubles-Related Deaths in Northern Ireland 1969–1998. Derry Londonderry : INCORE, 1998. Table 12.
16. Pankaj M. Why Today's Extremism Looks Familiar // Foreign Affairs. Nov/Dec 2016. Vol. 95. Is. 6. P. 46–54.
17. Haslam N., Rothschild L., Ernst D. Essentialist Beliefs About Social Categories // British Journal of Social Psychology. 39. N 1 (2000). P. 113–127.
18. Brown R. Group Polarization in Social Psychology. New York : Free Press, 1986.
19. Pape Robert A. Bombing to Win: Air Power and Coercion in War. Ithaca, NY : Cornell University Press, 1996.
20. Sternberg Robert J. A Duplex Theory of Hate: Development and Application to Terrorism, Massacres, and Genocide // Review of General Psychology. 7. N 3 (2003). P. 299–328.

References

1. Hegel G.W.F. *Religion philosophy* [Filosofiya religii]. In 2 v. V. I. M. : Thought [Mysl'], 1976.
2. Jones R. *The third wave* [Tret'ya volna] // Practical work on social psychology [Praktikum po sotsial'noi psikhologii]. SPb. : Piter, 2000. (rus)
3. Kugay A. I. *Space of a Repressive Logocracy* [Prostranstvo repressivnoi logokratii] // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie], 2013. N 1. P. 132–137. (rus)
4. Lewin K. *Field theory in social sciences* [Teoriya polya v sotsial'nykh naukakh] / [translation: E. Surpin]. SPb. : Speech [Rech'], 2000. (rus)
5. Hayek F. *The Road to Serfdom* [Doroga k rabstvu]. Translation of N. Stavisskaya. London, 1983. (rus)
6. Linden A., Klandermans B. *Stigmatization and Repression of Extreme- Right Activism in the Netherlands*. Mobilization: An International Journal. 11. N 2 (2006). P. 213–228.
7. Book review of «The Man Who Shocked the World: The Life and Legacy of Stanley Milgram». Blass T. Basic Books, 2004.
8. Morello C. *Virginia Court Upholds Muhammad Sentences: Sniper Could be Sent to Another State*. Washington Post. April, 23, 2005.
9. della Porta D. *Social Movements, Political Violence and the State: A Comparative Analysis of Italy and Germany*. Cambridge : Cambridge University Press. 1995.
10. Royzman E., McCauley C., Rozin P. *From Plato to Putnam: Four Ways of Thinking About Hate*. Washington, D.C. : APA Books, 2004. P. 3–35.
11. Gray J. *The age of hyper-terrorism* // New Statesman. 4/1/2016. Vol. 145. Is. 5308. P. 24–29.
12. Dugan L., Huang J., La Free G., McCauley C. *Sudden Desistence From Terrorism: The Armenian Army for the Liberation of Armenia and the Justice Commandos of the Armenian Genocide*. Unpublished manuscript (2006).
13. Sageman M. *Understanding Terrorist Networks*. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2004.
14. Bloom M. *Dying to Kill: The Allure of Suicide Terror*. New York : Columbia University Press, 2005.
15. Fay M. T., Morrissey M., Smyth M. *Mapping Troubles-Related Deaths in Northern Ireland 1969–1998*. Derry Londonderry : INCORE, 1998. Table 12.
16. Pankaj M. *Why Today's Extremism Looks Familiar* // Foreign Affairs. Nov/Dec 2016. Vol. 95. Is. 6. P. 46–54.
17. Haslam N., Rothschild L., Ernst D. *Essentialist Beliefs About Social Categories* // British Journal of Social Psychology. 39. N 1 (2000). P. 113–127.
18. Brown R. *Group Polarization in Social Psychology*. New York : Free Press, 1986.
19. Pape Robert A. *Bombing to Win: Air Power and Coercion in War*. Ithaca, NY : Cornell University Press, 1996.
20. Sternberg Robert J. *A Duplex Theory of Hate: Development and Application to Terrorism, Massacres, and Genocide* // Review of General Psychology. 7. N 3 (2003). P. 299–328.